

Изучение ситуации правонарушения как травматического события в жизни подростка

Великоцкая А.М.,

социальный педагог, Центр содействия семейному воспитанию «Соколенок», Москва, Россия, avelikotskaya78@gmail.com

Хломов К.Д.,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия, kyrill@rambler.ru

Ениколопов С.Н.,

кандидат психологических наук, руководитель отдела медицинской психологии, доцент, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия, enikolopov@mail.ru

Ефремов А.Г.,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия, efremovalexander@mail.ru

В данной статье описаны результаты изучения особенностей восприятия подростками ситуации правонарушения как травматического события. В исследовании приняли участие 129 подростков 15-17 лет. Целевую группу исследования составил 31 подросток 15-16 лет, находившийся на условном осуждении, и 33 подростка 17 лет, отбывающие наказание в Можайской воспитательной колонии. В контрольную группу вошли 32 подростка 15 лет и 33 подростка 17 лет. Исследование проводилось с помощью Шкалы оценки влияния травматического события (Impact of Event Scale-R, IES-R). Полученные результаты описывают, как подростки, совершившие преступление, воспринимают ситуацию правонарушения, особенно если совершенное преступление было связано с причинением значительного физического вреда конкретному человеку. Подростки, отбывающие наказание в колонии, испытывают наиболее сильные

переживания по поводу ситуации правонарушения, и их переживания носят травматический характер.

Ключевые слова: подростковый возраст, подростковая преступность, ситуация правонарушения, психологическая травма.

Для цитаты:

Великоцкая А.М., Хломов К.Д., Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Изучение ситуации правонарушения, как травматического события в жизни подростка [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 3. С. 66–83. doi: 10.17759/psyclin.2018070304

For citation:

Velikotzkaya A.M., Khlomov K.D., Enikolopov S.N., Efremov A.G. Offense Situation Experience as a Traumatic Event Among Adolescents Being in Conflict with the Law [Elektronnyi resurs]. Clinical Psychology and Special Education [Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiia], 2018, vol. 7, no. 3, pp. 66–83. doi: 10.17759/psycljn.2018070304 (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Среди проблем последних десятилетий проблема преступности среди несовершеннолетних занимает особое место. По данным отчета «Статистика по осужденным» Института изучения современного общества до 2016 года в России отмечался значительный и устойчивый рост преступности с конца 80-х годов, при этом все это время остаются стабильными и высокими показатели рецидивной преступности – около 40 % от всех преступлений; при этом почти 2/3 общего числа взрослых рецидивистов впервые совершают правонарушения и осуждаются в возрасте до 18 лет. Лица, совершающие противоправные действия в юношеском возрасте, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для рецидивной преступности. Установлена закономерность, что чем опаснее преступление, тем выше вероятность его повторного совершения тем же лицом [10].

В последнее время количество подростков, которые повторно совершают правонарушение, находясь на условном сроке, растет. По данным статистики МВД в период с 2005 года по 2012 количество повторных преступлений среди несовершеннолетних выросло с 16,1 % до 21,8 %¹. Многие воспитанники в воспитательных колониях имеют за плечами один, два, а то и три-четыре условных срока. Подавляющее большинство молодых людей, осужденных к лишению свободы, надеются больше не попадать за решетку. Но после

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации – <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

освобождения они, искренне нацеленные на нормальные, социально одобряемые модели поведения, зачастую не в силах справиться с вызовами реальности.

Ситуация правонарушения разрушает те социальные связи, которые были в жизни подростка. Правонарушение подростка часто приводит к конфликту в семье, у подростка возникают сложности в школе или колледже, где он может почувствовать себя изгоем среди одноклассников, подросток может оказаться в ситуации социальной изоляции. В семье и социальном окружении подростка может оказаться недостаточно ресурсов для изменения такой ситуации, может не быть доступа к необходимой помощи специалистов. Это способствует ситуации альтернативной адаптации, в которой, на наш взгляд, часто находятся подростки, вступившие в конфликт с законом. Ситуация альтернативной адаптации – это такая ситуация развития подростка, в которой он начинает соответствовать предписанной социумом роли и подкрепляет свой новый статус усугублением девиантного поведения. Подросток начинает выстраивать новые связи с «плохой компанией», которая его принимает, употреблять алкоголь, который помогает расслабиться, снять тревогу и влиться в коллектив [12].

Вопрос взаимосвязи ситуации правонарушения у подростков и травматического опыта многократно обсуждался в исследованиях и монографиях отечественных (В.С. Афанасьева, Ю.Р. Вишневский, И.А. Горькова, Г.А. Гурко, Е.Г. Дозорцева, И.Н. Польшакова, А.Н. Елизарова, А.В. Меренкова, В.Д. Москаленко, Г.П. Орлова, Б.С. Павлова, В.Г. Попова, В.Т. Шапко) и зарубежных ученых (Ч. Беккарло, М. Вебер, Г. Парсонс, Э. Фэрри).

Российские криминологи справедливо акцентируют свое внимание на решающей роли социальной среды в формировании противоправного и преступного поведения подростков. К негативным факторам социальной среды часто относят неблагополучие в семье, пробелы в системе воспитания и образования, неразвитость системы официальных и негосударственных субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних [17]. Безусловно, также к негативным факторам мы можем отнести отсутствие в современной России традиционных и государственных институций подростковой инициации и крайний дефицит альтернативных психиатрическому стационару и исправительной колонии организованных государством возможностей для социализации подростка с патологически протекающим пубертатным кризисом.

Но поведение подростков во многом зависит от сложности обстановки, от умения разобраться в возникшей ситуации и найти правильное решение. При благоприятных условиях подростки могут обеспечить контроль за своими действиями и возникающие проблемы разрешаются в рамках правомерного поведения. В сложных экстремальных обстоятельствах многие из них нередко теряются, не всегда могут объективно оценить необычные условия быстроменяющейся ситуации и найти правильный выход [13]. В ракурсе нашего исследования ситуацию правонарушения можно отнести в определенной степени к экстремальной ситуации, требующей особой адаптации от подростка, при этом

источником травматизма выступают сам человек или общество (Д.А. Александров, И.А. Баева, И.М. Кадыров, С.В. Ковалев, М.Ш. Магомед-Эминов, Н.В. Тарабрина) [11].

Одной из отличительных особенностей мотивационной стороны многих преступлений, совершенных подростками, является непредумышленный характер действий несовершеннолетних, когда правонарушитель импульсивно, под влиянием сложившейся обстановки, или бездумно следует примеру других лиц [2].

Особенности аффективных, спонтанных действий, характерных для подростков, могут быть связаны с дефицитом прогностической функции и ориентировочного поведенческого компонента [5]. Формирование идентичности подростков чаще всего находится на таком уровне, когда они ориентируются на внешние нормы и правила, но если эти нормы и правила не заданы взрослыми или ситуацией, то их поведение и взаимодействие становятся хаотичными и могут выходить за рамки, так как стираются границы между опасными и просоциальными действиями.

Поэтому помимо внешних негативных факторов социальной среды зарубежные и отечественные исследователи уделяют внимание внутренним факторам и условиям, которые могут привести подростка к ситуации правонарушения. К таким факторам часто относят стремление к самоутверждению, завоеванию авторитета, поддержанию своего престижа в группе сверстников или взрослых, стремление доказать свою верность дружбе, товариществу и боязнь прослыть «стукачом». Это приводит к тому, что подростки стараются продемонстрировать все это любыми путями, не отличая преступные методы от неприступных.

Также одной из особенностей подросткового возраста считается склонность к риску, выступающая как личностный, так возрастной и социальный феномен, который проявляется в связи с определенными типологическими особенностями, но неизбежно нарастает в подростковом возрасте и юности, а также трансформируется в зависимости от социальной среды и обстоятельств социализации личности [1; 18]. Эти особенности подросткового возраста могут влиять на восприятие ситуации правонарушения и ее последствий, в том числе как травматического события, особенно если их преступные действия носили импульсивный характер и привели к тяжелым последствиям.

Многими авторами, например, Е.Г. Дозорцевой, G.C. Curtis, J.J. Spinetta, D. Rigler описывается феномен, при котором жестокое обращение, эмоциональное и физическое насилие, пренебрежение и жестокость в отношении ребенка со стороны значимых взрослых и социального окружения способствуют тому, что в подростковом возрасте человек будет склонен к осуществлению подобных форм поведения. Описание этого феномена представлено в концепции «цикла насилия» [8; 9; 25].

Согласно современному диагностическому критерию (по DSM-5), наличие ПТСР можно диагностировать в том случае, если субъект пережил опыт столкновения со

смертью или угрозой смерти, с серьезной физической травмой или сексуальным насилием; при этом субъект может быть либо жертвой травмирующего события, либо его свидетелем или близким пострадавшего, либо регулярно сталкиваться с отталкивающими подробностями травматических событий по роду деятельности (критерий А) [3].

На наш взгляд, определения травматического события и диагностические критерии ПТСР могут быть применены к ситуации правонарушения, совершенного подростком, особенно в тех случаях, когда действия подростка носили импульсивный характер, т.е. он не до конца осознавал опасность своих действий, а после совершенного наступили осознание причиненного вреда, общественное осуждение и наказание.

Также травмирующей можно считать такую ситуацию, в которой человек потерял свободу взаимодействия с окружением. В этом контексте можно обратить внимание на классификацию, предлагаемую И. Силенок. По содержанию травмирующие ситуации могут быть трех типов: травмы физического типа (ситуации, затрагивающие тело человека и его физический мир); травмы нарциссического типа (затронуты зоны отношений с другими людьми и формирования Эго); травмы, касающиеся системы социальных отношений [15].

Как уже упоминалось ранее, одним из последствий ситуации правонарушения для подростка является разрушение социальных связей подростка со значимыми другими (семьей, референтной группой), поэтому если рассматривать ситуацию правонарушения как травматическое событие, то ее можно отнести к третьему типу – травме отношений. При таких травмах нарушается целостность картины социального мира. Этот мир представлен как система ролевых отношений и связей в социальной группе. Нарушение происходит из-за того, что на месте ожидаемой или подразумеваемой реакции от другого находится «дырка», пропуск или реакции совсем из другой системы [15]. Мы можем выделить следующие исследования специфики стрессовых переживаний в ситуации правонарушений, совершенных подростками.

Н.В. Тарабрина, Е.Г. Дозорцева отмечают, что ПТСР у подростков может более близко напоминать ПТСР у взрослых. Однако есть несколько отличительных особенностей. Подростки с большей вероятностью участвуют в травмирующем воспроизведении, в которое они включают аспекты травмы в свою ежедневную жизнь. Кроме того, подростки чаще, чем младшие дети или взрослые, показывают импульсивные и агрессивные реакции поведения [8; 16]. В то же время для подростков важно учитывать последствия пережитого стресса в детстве – во взрослом возрасте могут возникнуть трудности эмоциональной саморегуляции и поведения. И это может влиять на появление межличностных конфликтов, саморазрушительного поведения и импульсивных действий, жестокости и правонарушений [6; 20–23; 24].

Так, Н. Stainer, М. Silverman, N. Karnik и др. изучали агрессивное поведение в рамках концепции «цикла насилия», описывая это явление как акты агрессии,

которые необходимы подростку, чтобы справиться с переживаниями страха нападения, фрустрации, вины, и которые приводят к необдуманной, импульсивной жестокости подростков. По мнению авторов, такие акты агрессии приводят к наиболее тяжким последствиям и преступлениям, так как в них заложен механизм отреагирования травматического события и действия, они совершаются подростками без планирования и обдумывания [25].

Методы исследования и описание выборки

В нашем исследовании, проведенном в 2014-2015 годах, мы предположили, что подростки, вступившие в конфликт с законом, переживают ситуацию правонарушения как травматическое событие, особенно если совершенное преступление привело к тяжелым последствиям. В исследовании приняли участие 129 подростков 15-17 лет. В экспериментальную группу исследования был включен 31 подросток 15-16 лет (средний возраст 15,3 лет; 15% девочек), находящийся на условном осуждении, и 33 подростка 17 лет (средний возраст 17,5 лет, все мальчики), отбывающих наказание в Можайской воспитательной колонии. На основе опроса был проведен предварительный отбор только тех испытуемых, для которых ситуация правонарушения носила психотравмирующий характер и среди других обстоятельств в жизни несовершеннолетнего имела большое значение. Также в качестве критерия отбора испытуемых в экспериментальную группу была определена и общая социальная ориентация подростка-правонарушителя с целью исключить участие в исследовании несовершеннолетних с выраженной асоциальной направленностью, неоднократно совершавших криминальные действия, для которых, возможно, мотивами правонарушения могли быть, например, подтверждение принадлежности криминальной культуре или демонстрация экстремистских убеждений. В контрольные группы вошли 32 подростка 15-16 лет (средний возраст 15,3 лет, 35% девочек) и 33 подростка 17 лет (средний возраст 16,6 лет, 25% девочек). По данным М.М. Решетникова, Т.В. Уласень, гендерные различия в отношении травматических переживаний незначительны [14]. Исследование переживания подростками ситуации правонарушения как травматического события проводилось с помощью методики «Шкала оценки влияния травматического события» (Impact of Event Scale-R, IES-R).

По процедуре исследования подросткам из контрольных групп предлагалось выбрать травматическое событие, по поводу которого они испытывали наиболее сильные переживания в последнее время, подросткам целевой группы было предложено оценить свои переживания по поводу ситуации правонарушения и ее последствий.

Клиническая картина ПТСР включает симптомы вторжения (критерий В), симптомы избегания (критерий С), отрицательные изменения когнитивных процессов и настроения, связанные с имевшим место травматическим событием (событиями), возникающие после травматического события (критерий D), а также заметные изменения в возбуждении и реактивности, ассоциированные с травматическим событием (событиями), либо которые начинаются и/или

усиливаются после самого события (событий) (критерий E) – достаточно двух или более признаков из критериев D и E [3].

Методика «Шкала оценки влияния травматического события» (Impact of Event Scale-R, IES-R) включает шкалу «Вторжение», соответствующую критерию B, шкалу «Избегание», соответствующую критерию C, и шкалу «Физиологическая и эмоциональная возбудимость», соответствующую критериям D и E.

Результаты исследования

Поскольку в исследовании участвовали четыре независимые группы испытуемых, то для сравнения результатов мы использовали критерий множественного сравнения Краскела–Уоллиса, который используется для сравнения трех или более групп, внутри которых данные не подчиняются нормальному распределению. Анализ данных с помощью критерия Краскела–Уоллиса (см. табл. 1) показал уровень значимости различий $p=0,0001$, что позволяет сделать вывод о том, что уровень общего балла по методике Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) у испытуемых различных категорий значимо различен.

Таблица 1

Сравнение средних значений общего балла по Шкале оценки влияния травматического события у разных групп подростков (при $p \leq 0,001$)

Группы	Средние значения	H-статистика
Подростки на условном осуждении	50,32	H (4, 129) = 20,88
Воспитанники колонии	60,52	
Подростки 15 лет (контрольная группа)	36,50	
Подростки 17 лет (контрольная группа)	39,76	

Для того чтобы понять, какие именно группы различаются между собой, мы провели попарные сравнения групп с помощью критерия Манна–Уитни.

Итого по шкале общего балла статистически значимые различия были получены во всех попарных сравнениях групп, за исключением сравнения групп подростки на условном осуждении и подростки 17 лет, а также групп подростков 15 и 17 лет ($p > 0,05$).

По результатам исследования в целевой группе воспитанников Можайской колонии мы получили наиболее высокие значения по шкале «Общий балл»,

указывающую на степень травмированности психики (см. табл. 2). Такие результаты показывают, что наибольшую тяжесть эмоциональных переживаний, связанных с ситуацией правонарушения и ее последствиями, испытывают подростки, отбывающие наказание в местах лишения свободы.

Таблица 2

**Матрица попарных сравнений средних значений общего балла
по Шкале оценки влияния травматического события
у разных групп подростков**

Группы	Подростки на условном осуждении	Воспитанники колонии	Подростки 15 лет (контрольная группа)	Подростки 17 лет (контрольная группа)
Подростки на условном осуждении	-	$U_{(31;33)}=364,5;$ $p=0,049$ $M_{yo/вк}=50,3/60,5$	$U_{(32;33)}=329,5;$ $p=0,022$ $M_{yo/п15}=50,3/36,5$	$U_{(31;33)}=372,5;$ $p=0,063$ $M_{yo/п17}=50,3/39,8$
Воспитанники колонии	$U_{(33;31)}=364,5;$ $p=0,049$ $M_{вк/yo}=60,5/50,3$	-	$U_{(33;32)}=230,5;$ $p=0,000$ $M_{вк/п15}=60,5/36,5$	$U_{(33;33)}=264,0;$ $p=0,000$ $M_{вк/п17}=60,5/39,8$
Подростки 15 лет (контрольная группа)	$U_{(32;33)}=329,5;$ $p=0,022$ $M_{п15/yo}=36,5/50,3$	$U_{(32;33)}=230,5;$ $p=0,000$ $M_{п15/вк}=36,5/60,5$	-	$U_{(32;33)}=474,0;$ $p=0,483$ $M_{п15/п17}=36,5/39,8$
Подростки 17 лет (контрольная группа)	$U_{(33;31)}=372,5;$ $p=0,063$ $M_{п17/yo}=39,8/50,3$	$U_{(33;33)}=264,0;$ $p=0,000$ $M_{п17/вк}=39,8/60,5$	$U_{(33;32)}=474,0;$ $p=0,483$ $M_{п17/п15}=39,8/36,5$	-

При этом и в целевой группе условно осужденных подростков средние значения по общему баллу ШОВТС выше, чем у контрольных групп подростков 15 лет и 17 лет.

Такие результаты указывают на то, что подростки, находящиеся в конфликте с законом, испытывают достаточно интенсивное стрессовое воздействие по отношению к ситуации правонарушения и ее последствий, а также на то, что это воздействие может иметь тенденцию усиливаться и приобретать характер посттравматического расстройства в условиях воспитательной колонии.

Как мы видим в таблице 3, в целевых группах условно осужденных подростков и подростков, отбывающих наказание в Можайской колонии, наиболее высокие значения общего балла по ШОВТС обнаруживаются у подростков, совершивших разбой, нанесение телесных повреждений и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего.

Таблица 3

**Сравнение средних значений общего балла
по Шкале оценки влияния травматического события
в целевых группах по типам ситуации правонарушения**

Тип ситуации правонарушения	Подростки на условном осуждении	Воспитанники колонии
1. Тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего	-	88–91
2. Разбой	61–106	61–86
3. Телесные повреждения	-	73–80
4. Грабеж	10–67	53–69
5. Кража	21–72	41–51
6. Угон	5–75	19–42
7. Мошенничество	29–30	-
8. Убийство	-	23–31

Это позволяет предположить, что особенности ситуации, в которой было совершено правонарушение, и степень тяжести совершенного преступления могут быть связаны со степенью интенсивности переживаний, выраженности посттравматического стресса, а также мы можем заметить, что наиболее сильные переживания испытывают подростки-правонарушители, причинившие физический вред потерпевшему.

При этом важно отметить низкие значения по параметру «Общий балл» у подростков-правонарушителей, совершивших убийство. Такие результаты могут быть связаны, с одной стороны, с действием сильных защитных механизмов, блокирующих переживания подростков, а с другой стороны, - с высокой степенью социальной желательности, которую они демонстрируют во время обследования. В любом случае этот феномен требует дополнительного изучения. При этом обратимся к исследованиям, подчеркивающим, что подросток оценивает события своей жизни необъективно, в зависимости не от их тяжести, а от степени эмоциональной вовлеченности в них [4; 6; 7; 19; 20].

Результаты анализа межгрупповых различий по оставшимся шкалам методики ШОВТС приведены в виде итоговых сравнений по группам в таблице 4.

По шкале «Вторжение» средние значения в группе условно осужденных подростков статистически значимо превышают средние значения в контрольной группе подростков 15 лет. Средние значения в группе воспитанников Можайской колонии статистически значимо превышают средние значения в контрольных группах подростков 15 и 17 лет.

Таблица 4

**Матрица попарных сравнений средних значений общего балла
по шкале «Вторжение» у разных групп подростков**

Группы	Н-критерий: χ^2 (df=3, N=129) =30,96, p=0,01			
	Подростки 15 лет	Подростки на условном осуждении	Воспитанник и колонии	Подростки 17 лет
Подростки 15 лет, контрольная группа (M=10,88)	-	$U_{(32;31)}=268,0;$ $p=0,002$	$U_{(32;33)}=169,5;$ $p=0,000$	$U_{(32;33)}=459,5;$ $p=0,368$
Подростки на условном осуждении (M=18,13)	$U_{(31;32)}=268,0;$ $p=0,002$	-	$U_{(31;33)}=372,5;$ $p=0,062$	$U_{(31;33)}=325,5;$ $p=0,012$
Воспитанники колонии (M=22,85)	$U_{(33;32)}=169,5;$ $p=0,000$	$U_{(33;31)}=372,5;$ $p=0,062$	-	$U_{(33;33)}=207,5;$ $p=0,000$
Подростки 17 лет, контрольная группа (M=12,42)	$U_{(33;32)}=459,5;$ $p=0,368$	$U_{(33;31)}=325,5;$ $p=0,012$	$U_{(33;33)}=207,5;$ $p=0,000$	-

Это указывает на то, что при переживании ситуации правонарушения как травматического события подростки-правонарушители более склонны мысленно возвращаться к ситуации и заново переживать случившееся, чем их сверстники, пережившие ситуацию психологической травмы. Также это может указывать на специфику переживания ситуации правонарушения как травматического опыта за счет наступающих общественных последствий в виде наказания.

По шкале «Избегание» статистически значимых различий в средних значениях между группами выявлено не было, что говорит о том, что обе группы испытуемых одинаково стремятся к тому, чтобы не соприкоснуться с психотравмирующим опытом.

По шкале «Физиологическая и эмоциональная возбудимость» (табл. 5) средние значения в группе воспитанников колонии значительно превосходят средние значения в контрольных группах подростков 15 лет и подростков 17 лет.

Это может говорить о том, что воспитанники колонии испытывают сильное напряжение и различные неприятные физические ощущения при напоминании о ситуации правонарушения. При этом различия между подростками контрольной

группы и экспериментальной группой подростков на условном осуждении не обнаружены.

Таблица 5

Множественное сравнение групп между собой методом Kruskal-Wallis Test по шкале «Физиологическая и эмоциональная возбудимость»

Группы	Н-критерий: X^2 (df=3, N=129)=20,87, p=0,01			
	Подростки 15 лет	Подростки на условном осуждении	Воспитанник и колонии	Подростки 17 лет
Подростки 15 лет (M=9,94)	-	$U_{(32;31)}=391,0;$ $p=0,148$	$U_{(32;33)}=229,5;$ $p=0,000$	$U_{(32;33)}=430,0;$ $p=0,198$
Подростки на условном осуждении (M=13,45)	$U_{(31;32)}=391,0;$ $p=0,148$	-	$U_{(31;33)}=301,5;$ $p=0,005$	$U_{(31;33)}=413,0;$ $p=0,185$
Воспитанники колонии (M=19,36)	$U_{(33;32)}=229,5;$ $p=0,000$	$U_{(33;31)}=301,5;$ $p=0,005$	-	$U_{(33;33)}=264,0;$ $p=0,000$
Подростки 17 лет (M=11,24)	$U_{(33;32)}=430,0;$ $p=0,198$	$U_{(33;31)}=413,0;$ $p=0,185$	$U_{(33;33)}=264,0;$ $p=0,000$	-

Также полученные результаты могут указывать на то, что если подростки-правонарушители переживают ситуацию правонарушения и ее последствия как травматическое событие, то в условиях воспитательной колонии это может приводить к соматизации переживания или перерасти в посттравматическое стрессовое расстройство.

Заключение

Исследования психоэмоционального влияния особенностей восприятия подростками-правонарушителями ситуации правонарушения и ее последствий имеют важное прогностическое значение, так как могут прояснить причины и механизмы совершения повторных преступлений. Это в свою очередь может помочь специалистам, работающим в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, разработать эффективные стратегии помощи подросткам, находящимся в конфликте с законом.

В нашем исследовании подростки-правонарушители оказались более склонными мысленно возвращаться к ситуации и заново переживать случившееся, возможно, за счет наступающих общественных последствий в виде наказания. В то же время наиболее высокие показатели переживания травматического события

были получены в целевой группе подростков, отбывающих наказание в воспитательной колонии. Это указывает на то, что в условиях колонии подростки испытывают наиболее сильные переживания по поводу ситуации правонарушения, которые могут носить травматический характер, что может в дальнейшем привести к развитию посттравматического стрессового расстройства и требовать психологической помощи. Также необходимы дальнейшие исследования степени влияния интенсивности травматичности переживания на риск повторного правонарушения. Требуется дальнейшее изучение феномена низких показателей интенсивности переживания травматичности ситуации правонарушения у подростков-правонарушителей, совершивших убийство.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-36-01317 «Траектории жизненного пути в подростковом возрасте: модели оптимального выбора»).

Литература

1. Авдулова Т.П., Мотылева Л.А. Социальные представления подростков, склонных к риску // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 105–116.
2. Баженов В. Профилактическая работа с несовершеннолетними правонарушителями. М.: Наука, 2004. 238 с.
3. Боголюбова О.Н., Шестакова А.Н. Посттравматический стресс и принятие решений: перспективы исследований в парадигме нейроэкономики // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 60–76. doi:10.17759/exppsy.2015080206.
4. Ван дер Харт О., Нейенхюс Э., Стил К. Призраки прошлого. Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. М.: Когито-центр, 2012. 496 с.
5. Великоцкая А.М., Переживание ситуации правонарушения как травматического события подростками, находящимися в конфликте с законом // Итоги и перспективы реализации важнейших положений Национальной стратегии Действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Сборник материалов конференции / Под ред. З.Ф. Драгункиной, В.В. Рубцова, Г.В. Семьи, А.С. Дубовик, А.А. Шведовской. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. 120 с.
6. Герсамия А.Г., Меньшикова А.А., Акжигитов Р.Г., Гришкина М.Н. Психометрические свойства Шкалы жестокого обращения и травматизации в детстве (CATS) // Российский психиатрический журнал. 2015. № 3. С. 21–29.

7. Герсамия А.Г., Меньшикова А.А., Яковлев А.А. Стресс в детском возрасте и психологические особенности личности при аффективных расстройствах // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 103–117. doi:10.17759/exppsy.2016090309

8. Дозорцева Е.Г. Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении. М.: Генезис, 2007. 131 с.

9. Дозорцева Е.Г., Захарченко Д.А. Психологические реакции и predispositional факторы у больных с сочетанной и множественной соматической травмой, пострадавших в результате противоправных действий [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63813.shtml> (дата обращения: 26.05.2018)

10. Забрянский Г.И. Предупреждение преступности несовершеннолетних: основы концепции государственной политики // Журнал российского права, 1997. № 8. С. 30–38.

11. Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В., Сунгурова Н.Л., Аль Масри И. Психологические особенности адаптации сирийских подростков в экстремальных ситуациях социогенного характера // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 81–90. doi:10.17759/exppsy.2016090307

12. Кондрашкин А.В., Кириллова Т.О. Социальная ситуация развития современного подростка в контексте модели социально-психологической помощи в восстановительном подходе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57076.shtml (дата обращения: 26.05.2018).

13. Перешеина Н.В., Заостровцева М.Н. Девиантный школьник: Профилактика и коррекция отклонений. М.: ТЦ Сфера, 2011. 194 с.

14. Решетников М. М., Уласень Т.В. Изучение социально-психологических и клинических проявлений травматических переживаний у воспитанников социозащитных учреждений // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №7(61). 2. С. 96-98. doi:<https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.009>

15. Силёнок И.К. Характеристика посттравматического синдрома подростков [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. Т. 123. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-posttravmaticheskogo-sindroma-podrostkov> (дата обращения: 02.09.2015).

16. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001. 272 с.

17. Тхакохов А.А. Причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 882–884.

18. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 109–125. doi:10.17759/sps.2016070208
19. Allen B., Lauterbach D. Personality Characteristics of Adult Survivors of Childhood Trauma // Journal of Traumatic Stress. 2007. Vol. 20. № 4. P. 587–595. doi:10.1002/jts.2019510.
20. Angelucci F., Brene, S., Mathe A.A. BDNF in schizophrenia, depression and corresponding animal models // Molecular Psychiatry. 2005. Vol. 10. P. 345–352. doi: 10.1038/sj.mp.4001637
21. Lee C., Tsenkova V., Carr D. Childhood trauma and metabolic syndrome in men and women // Social Science & Medicine. 2014. Vol. 105. P. 122–130. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.01.017>
22. Maschi T., Baer J., Morrissey M.B., et al. The Aftermath of Childhood Trauma on Late Life Mental and Physical Health: A Review of the Literature // Traumatology. 2013. Vol. 19(1). P. 49-64. doi: 10.1177/1534765612437377
23. Risch N., Herrell R., Lehner T., et al. Interaction between the serotonin transporter gene (5-HTTLPR), stressful life events, and risk of depression // Journal of the American Medical Association. 2009. Vol. 301. № 23. P. 2462–2471. doi: 10.1001/jama.2009.878
24. Simeon D., Stanley B., Frances A., et al. Self-mutilation in personality disorders: Psychological and biological correlates // American Journal of Psychiatry. 1992. Vol. 149. № 12. P. 221–226.
25. Steiner H., Silverman M., Karnik N., et al. Psychopathology, trauma and delinquency: subtypes of aggression and their relevance for understanding young offenders // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. Vol. 21. № 5. P 1–11. 2011. doi:10.1186/1753-2000-5-21.